

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-663-684

Научная статья

Уголовно-правовые средства противодействия транснациональной коррупционной преступности

О.А. Кузнецова

Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Российская Федерация,
o715575@mail.ru

Аннотация. Одной из наиболее серьезных проблем в сфере противодействия преступности является борьба с транснациональной коррупционной преступностью. Этот вид преступлений уже (де-факто и де-юре) образует преступления международного характера, которые обладают специфическим субъектным составом, географией совершения и сложной объективной стороной. Ядром транснациональной коррупционной преступности является взяточничество, которое используется транснациональными корпорациями все чаще и чаще для достижения своих корпоративных целей. Борьба с такими преступлениями средствами уголовного права ведется на нескольких уровнях: международном, межрегиональном, региональном, субрегиональном, двустороннем и национальном. Целью статьи является характеристика транснациональной коррупции, которая представляет собой одну из форм самодетерминации преступности. Дается всеобъемлющая классификация коррупционных преступлений на основе различных уголовно-правовых и криминологических критериев. Особое внимание автор обращает на то, что все транснациональные коррупционные преступления можно разделить на основные и вспомогательные. В то же время эти два вида деяний существуют в неразрывном единстве. Автор предлагает основные направления уголовно-правового воздействия на транснациональную коррупционную преступность, которые затрагивают и Общую и Особенную части уголовного права. Методологией исследования выступали законы материалистической диалектики. При написании статьи автор использовала широкий круг российских и зарубежных источников научно-правовой, статистической, социологической и иной информации. Автор применял такие методы исследования, как анализ, синтез, дедукция, индукция, системно-структурный метод, логико-юридический, сравнительно-правовой.

Ключевые слова: коррупция, борьба с коррупцией, взяточничество, активный подкуп, пассивный подкуп, транснациональная корпорация, виды коррупционных преступлений

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 16 января 2021 г.

Дата принятия к печати: 15 апреля 2021 г.

© Кузнецова О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Для цитирования:

Кузнецова О.А. Уголовно-правовые средства противодействия транснациональной коррупционной преступности // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 2. С. 663—684. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-663-684

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-663-684

Research Article

Criminal law tools of combatting transnational corruptive criminality

Olga A. Kuznetsova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation,
o715575@mail.ru

Abstract. One of the most serious problems in the field of combating crime is the fight against transnational corruption crime. This type of crime already (de facto and de jure) exists as international crime and has a specific subject composition, geography of commission and complex objective reasons. The core of transnational corruption crime is bribery widely used by transnational corporations for achieving their corporate purposes. Combatting such crimes by means of criminal law is carried out at various levels: international, interregional, regional, subregional, bilateral, and domestic. The purpose of this article is to characterize transnational corruption, which is one of the forms of self-determination of crime. The article provides a comprehensive classification of corruption crimes based on various criminal law and criminological criteria. The author pays special attention to the fact that all transnational corruption crimes can be divided into main and auxiliary. At the same time, these two types of offences are often inseparable. The author proposes the main directions of criminal law impact on transnational corruption crime, which could be used in both the General part and Special part of criminal law. The methodology of the article is based on the laws of materialist dialectics. The article rests on a wide range of Russian and foreign sources of scientific, legal, statistical, sociological, and other nature. The author applied the following research methods: analysis, synthesis, deduction, induction, systemic-structural method, logicallegal, and comparativelegal.

Key words: corruption, combatting corruption, bribery, active bribery, passive bribery, transnational corporation, types of corruptive crimes

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

Article received 16th January 2021

Article accepted 15th April 2021

For citation:

Kuznetsova, O.A. (2021) Criminal law tools of combatting transnational corruptive criminality. *RUDN Journal of Law*. 25 (2), 663—684. (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-663-684

Введение

Среди насущных глобальных проблем, стоящих сегодня перед мировым сообществом, особо выделяется борьба с преступностью и ее наиболее опасными видами (террористической преступностью, организованной преступностью,

экономической преступностью, киберпреступностью и т. д.). Ответом на появление «новых» и усугубление «старых» глобальных криминальных угроз стал, в частности, очередной этап интернационализации (транснационализации) уголовного права.

Как отмечает Н.С. Кордини, «новое уголовное право («продукт» этого очередного этапа. — *О.К.*), являющееся результатом интернационализации — это право, ориентированное на решение практических вопросов» (Cordini, 2018). Задача такого права ясна и понятна — борьба с наиболее опасными видами трансграничных преступлений (*treaty crimes*) посредством усилий многих государств через заключение международных соглашений, нормы которых будут имплементированы (инкорпорированы) в национальное уголовное законодательство. Конечная цель — с помощью международных соглашений гармонизировать национальное уголовное законодательство таким образом, чтобы «таргетировать» тот или иной вид опасного поведения в большинстве стран мира (в идеале — по всему миру) и не оставить места для «криминальных гаваней» (“*criminal havens*”), в которых могли бы укрыться и сами преступники, и полученные преступным путем капиталы. Важность решения этой проблемы такова, что некоторые зарубежные специалисты даже предлагают ввести специальные международные уголовные суды с тем, чтобы рассматривать дела о наиболее опасных конвенционных преступлениях — понятное дело, что речь идет не о международных преступлениях, дела о которых относятся к подсудности Международного уголовного суда (*international crimes*), а о преступлениях международного характера (Каррес, 1979). Процесс интернационализации (транснационализации) уголовного права в отношении таких преступлений начался уже в третьей декаде прошлого века: Первая Международная конференция по унификации уголовного права 1927 г. причислила к международным те преступления, ответственность за которые предусматривается международными конвенциями (Borzenkov & Komissarov (eds.), 2002).

Совершенно очевидно, что в числе наиболее опасных видов преступности находится преступность коррупционная. Изучение этой проблематики должно выходить на новый уровень, когда в фокусе внимания научных работ будет решение злободневных практических вопросов, а опираться эти исследования будут на фактические реалии, а не на популистские лозунги, типа «искоренения коррупции», «окончательной победы над коррупцией» и т. д. Как верно указывает А.В. Сумачев, идея победы над преступностью (а коррупционная преступность является ее неотъемлемой частью. — *О.К.*) относится к лженаучным уголовно-правовым теориям (Sumachev, 2017:93), а потому не может являться ориентиром для уголовной политики. Коррупция на международном (транснациональном) уровне представляется особо опасным негативным социально-правовым явлением, так как подрывает эффективность управления не только на местном, региональном или национальном уровне, но и в глобальном масштабе, искажая условия международной конкуренции¹. Транснациональная коррупция

¹ Кокорин А.М., Шкарупин А.Г. Конфликт интересов транснациональных корпораций и национальных государств — основа международной коррупции. Режим доступа: <http://sdo.rea.ru/cde/conference/12/file.php?fileId=9> (дата обращения: 01.03.2018).

уже давно (и де-факто и де-юре) стала преступлением международного характера, противодействие которому должно быть основано и на всестороннем изучении и анализе криминогенной обстановки, и на совместных усилиях всех субъектов профилактики коррупционной преступности.

Транснациональная коррупционная преступность: понятие, признаки и виды

Сам термин «коррупционная транснациональная преступность» требует дефиниции, основанной на всестороннем толковании его «составных» частей. Совершенно очевидно, что речь идет об *уголовно наказуемых деяниях коррупционной направленности, имеющих транснациональный характер*.

В литературе было достаточно много дискуссий о том, что считать *коррупцией и какие ее проявления должны быть криминализированы*. Например, в соответствии с определением организации Transparency International², коррупция понималась как «злоупотребление предоставленными полномочиями для достижения личной выгоды». Такое определение нуждалось в дополнении, поскольку необходимо уточнить: это коррупция, которая нарушает действующий закон (“against the rule”), либо же это коррупция, которая соответствует действующим в стране практикам (“according to rule”). Как подчеркивает в этой связи З. Момох, коррупция “against the rule” включает коррупционные деяния, которые запрещены законом страны, тогда как коррупция “according to rule” означает коррупционные практики, допускаемые законом страны (Момох, 2015). Последнее может показаться нонсенсом, однако законодательство некоторых стран, действительно, разрешает такое поведение. Например, в Нигерии закон разрешает правительственным подрядчикам (contractors to government) требовать и получать определенный процент от цены контракта. К таким же «сомнительным» (а, по сути, коррупционным) практикам относится вознаграждение (обычно в сумме 10 % от цены контракта) для публичного служащего, который действует от имени правительства (Момох, 2015). Интересно, что подобная практика встречает одобрение и со стороны правительств тех западных стран, чьи компании действуют таким нечисто-плотным образом на внешних рынках. Например, после так называемого «коррупционного скандала Лафайет» (“Lafayette Corruption Scandal”), начавшегося в 90-х гг. прошлого века, когда французская компания Thomson продала Тайваню по коррупционной схеме шесть фрегатов, обойдя своего конкурента — компанию из Южной Кореи, выяснилось, что практика подкупа иностранных должностных лиц была весьма распространена у французских компаний. И эту практику одобряло само французское правительство. Государство лишь требовало, чтобы о таких комиссионных, выплачиваемых гражданам и должностным лицам за рубежом при проведении деловых операций, компании сообщали в министерство финансов (Hung-En Sung, 2009).

² Автономная некоммерческая организация «Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Такие видные западные исследователи коррупции, как Vito Tanzi, Susan Rose-Ackerman и Daniel Kaufman, также соглашаются с тем, что коррупция — это злоупотребление представленными полномочиями в личных целях. Фактически такое же определение дает и Мировой Банк (World Bank) (Fayed, 2018).

Особенностью практически всех существующих международных соглашений является то, что понятие коррупции дается через перечисление деяний, которые относятся к коррупции: например, статьи 16-26 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., статья 4 Конвенции Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 11 июля 2003 г., статья 3 Протокола против коррупции Сообщества развития юга Африки от 14 августа 2001 г. Российское законодательство о противодействии коррупции, по большому счету, поступает также: статья 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ³ в действующей редакции также перечисляет коррупционные деяния, не давая общего определения коррупции.

Анализ действующих актов международного и национального уголовного права, материалов судебной практики и монографической научной литературы, посвященной борьбе с коррупцией, позволяет разбить все коррупционные преступления, в зависимости от тех или иных, критериев на несколько групп:

— *в зависимости от особенностей объективной и субъективной стороны* все коррупционные преступления можно разделить на следующие группы:

а) преступления, связанные с подкупом (получение и дача взятки, получение и передача предмета коммерческого подкупа вне зависимости от размера предмета взятки или коммерческого подкупа; посредничество во взяточничестве и коммерческом подкупе); б) преступления, связанные с хищением имущества (присвоение или растрата, мошенничество с использованием служебного положения и т. д.); в) иные коррупционные преступления (превышение должностных полномочий, злоупотребление полномочиями, служебный подлог, торговля влиянием, незаконное обогащение, незаконное участие в предпринимательской деятельности и т. д.). В некоторых случаях иные коррупционные преступления совершаются после деяний, входящих в первые две группы: например, незаконное обогащение является следствием получения взяток или хищения имущества.

— *в зависимости от субъекта* все коррупционные преступления можно разделить на следующие группы:

а) преступления, совершаемые общим субъектом (дача взятки или передача предмета коммерческого подкупа); б) преступления, совершаемые специальным субъектом (получение взятки, превышение полномочий, злоупотребление полномочиями, незаконное обогащение); в) преступления, совершаемые специальным субъектом с дополнительными признаками (коррупционные преступления, совершаемые судьями, представителями конкретных правоохранительных органов — например УК Республики Анголы содержит статью 346 «Пассивный подкуп судьи или судьи-арбитра», устанавливающую ответственность за получение взятки этими лицами⁴).

³ Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Российская газета. № 266. 30.12.2008.

⁴ Anteproyecto de Código Penal. Available at: <http://www.pensamientopenal.com.ar/etiquetas/anteproyecto-codigo-penal> [Accessed 19th March 2021].

— в зависимости от основного объекта посягательства этих преступлений: а) интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст. ст. 285, 286, 290, 291 УК РФ); б) интересы службы в коммерческих и иных организациях (ст. ст. 201, 204 УК РФ); в) отношения собственности (ст. ст. 160, 159 (ч.3), 164 УК РФ); г) отношения в сфере экономической деятельности (ст. ст. 183, 184 УК РФ); д) интересы правосудия (ст. ст. 304, 309 УК РФ) и т. д.

В уголовно-правовой литературе встречаются и другие классификации коррупционных преступлений: например, их разделяют на публичные и непубличные (Maksimov, 2017). В зарубежной литературе можно встретить следующую классификацию коррупционных преступлений: 1) взяточничество; 2) кража и растрата; 3) мошенничество; 4) фаворитизм и nepотизм; 5) вымогательство и шантаж (Fayed, 2018).

Следующим признаком, требующим исследования, является *транснациональный характер этой коррупционной преступности*. Как отмечает в этой связи И.В. Годунов, «под транснациональными преступлениями следует понимать преступления, которые посягают на общественные отношения, интересы или блага, охраняемые уголовным законодательством двух или более государств, и субъектами которых являются иностранные граждане, имеющие целью, как правило, получение финансовой прибыли или приобретение власти» (Godunov, 2002). Во многом это определение коррелирует с понятием транснационального преступления, которое содержится в статье 3 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.: преступление совершено более чем в одном государстве; совершено в одном государстве, но его приготовление либо соучастие в нем имело место в другом государстве; существенные последствия от этого преступления имеют место в другом государстве; совершено в одном государстве, но при участии транснациональной организованной группы, осуществляющей свою деятельность более чем в одном государстве⁵. Иными словами, мы видим наличие так называемого иностранного элемента, который характеризует эти преступления.

Междисциплинарная группа против коррупции, учрежденная Комитетом министров Совета Европы в 1994 г., определила четыре параметра, наиболее важных для квалификации коррупционных деяний: *участующие лица; услуги, предоставляемые взяточполучателем; предлагаемые неправомерные преимущества; и обстоятельства, в которых предлагаются указанные преимущества* (курсив мой. — О.К.). Каждый из названных четырех параметров может включать иностранный элемент, что позволит квалифицировать такое деяние как транснациональное⁶.

Исходя из вышеизложенного, мы можем заметить, что отличительной чертой транснациональных коррупционных преступлений является наличие особого состава корруптеров, коррумпантов и предмета подкупа. К числу коррумпантов

⁵ Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года // Собрание законодательства РФ. 04.10.2004. № 40. ст. 3882.

⁶ Jaeger, M. Action internationale contre la corruption — Le groupe multidisciplinaire sur la corruption du Conseil de l'Europe (GMC). Corruption de fonctionnaires et fraude européenne. Antwerp, Maklu. 1998. 163. (in French).

относятся, прежде всего, публичные должностные лица иностранного государства, под которыми в западной литературе чаще всего понимается любое лицо, занимающее должность в законодательном, исполнительном или судебном органе иностранного государства, вне зависимости от того, является ли эта должность выборной, или предполагает назначение; любое лицо, исполняющее публичную функцию в интересах иностранного государства, включая исполнение такой функции на государственных предприятиях; и любое должностное лицо или агента публичной международной организации⁷. Также, как мы знаем, к числу корруппантов относятся должностные лица международных публичных организаций.

К числу корруптеров относим иностранных граждан или подданных (вне зависимости от гражданства, профессии, занимаемой должности и т. д.); лиц, имеющих вид на жительство в другом государстве; лиц, действующих от имени любой международной организации (правительственной или неправительственной); лиц, действующих от имени транснациональных корпораций (ТНК). О последнем корруптере хотелось бы сказать подробнее.

В современном мире насчитывается около 60 000 ТНК, имеющих около 500 тысяч отделений и филиалов по всему миру. Как отмечают специалисты, ТНК сегодня являются работодателями для 4 процентов всего занятого населения в развитых странах и для 12 процентов в развивающихся странах. Многие ТНК сегодня разрослись до гигантских размеров, а их ежегодный оборот превышает валовой внутренний продукт большинства стран мира. Например, только в General Motors на 2015 г. трудилось 708 000 работников (Kordoš & Vojtovič, 2016:152). История развития и деятельности ТНК постоянно сопровождается коррупционными скандалами, когда корпорации подкупают местные власти, чтобы добиться каких-либо преференций для себя. Широко известен случай, когда авиастроительная компания *Lockheed Aircraft* в 1975 г. заплатила 22 млн долларов США в виде взяток иностранным правительствам с тем, чтобы обеспечить себе контракты на поставку самолетов. Среди получателей взяток были премьер-министр Японии Танака и принц Нидерландов Бернард (Braithwaite, 1979:125). Именно распространенность коррупционных практик в отношениях американских корпораций с иностранными правительствами привели к принятию в США в 1977 г. Закона о коррупции за рубежом (Foreign Corrupt Practice Act). Этот закон имеет экстратерриториальное действие и призван предотвращать и наказывать коррупционные практики корпораций за рубежом. Он применяется не только к американским компаниям, но и к их дочерним компаниям и филиалам, действующим в иностранных государствах, к совместным предприятиям, и даже к иностранным компаниям, которые действуют в США либо только зарегистрированы в США. Применяется этот закон и к тем иностранным компаниям, акции которых торгуются на нью-йоркской Фондовой бирже (New York Stock Exchange) (Ferreira & Morosini, 2013).

В тех же африканских странах широко распространена коррупционная практика, направленная на подкуп правительственных чиновников иностранцами, чтобы получить выгодные контракты. Так, журнал *New Africa Magazine*

⁷ Joseph Mase. Fighting transnational corruption. Available at: <http://sas-space.sas.ac.uk/3537/1/1559-1907-1-SM.pdf> [Accessed 10th March 2021].

сообщил о том, что 25 сентября 2009 г. компания *Mabe & Johnson*, собственником которой была Великобритания, и чьим бизнесом было строительство мостов в некоторых африканских странах (например, Гана, Мадагаскар, Ангола, Мозамбик), была признана виновной одним из лондонских судов в том, что давала взятки правительственным чиновникам с тем, чтобы обеспечить получение подрядов на строительство. В том же самом ключе выдвигались обвинения в подкупе, который совершали оружейные компании при совершении самой крупной сделки в Южной Африке на поставки зенитно-ракетных комплексов Hawk и боевых самолетов Gripen. В Нигерии, в период с 1994 по 2002 г. осуществлялось расследование, в ходе которого один из руководителей компании *Halliburton* Альберт Стэнли признался в том, что руководил передачей взяток в размере 180 млн долл. США высшим правительственным чиновникам для получения контрактов (*Osumah & Aghedo*, 2013). В той же Нигерии в свое время произошел коррупционный скандал с участием нефтяных компаний *Shell* и *Eni*. Как выяснили журналисты компании *BuzzFeed News* и итальянской газеты *Il Sole 24 Ore*, в 2010—2011 гг. эти нефтяные компании заплатили 1,3 млрд долларов США за получение лицензии на разведку нефтяного блока на шельфе, известного как OPL 245. Деньги были заплачены нигерийскому правительству, однако масс-медиа утверждали, что по документам деньги «отошли» компании *Malabu Oil and Gas*, которая была связана с бывшим министром нефтяной промышленности Нигерии, Даном Этете, о чем руководство *Shell* знало⁸. По утверждениям расследователей *Global Witness*, какая-то часть этой суммы ушла на «отступные» (в российском лексиконе — «откаты») тогдашнему президенту страны Джонатану, о чем топ-менеджмент *Shell* тоже был осведомлен⁹. Представители компаний однако отвергали всяческие обвинения в свой адрес. Как заявил официальный представитель *Eni*, «ни Eni, ни Shell, не платили никаких денег, за исключением тех, что были предусмотрены резолютивным соглашением по нефтяному блоку и не выплачивали никаких сумм ни Malabu, ни господину Этете или иным должностным лицам»¹⁰. Однако Генеральная прокуратура Голландии приняла решение выдвинуть против *Shell* обвинение в совершении уголовно наказуемых деяний. Помимо привлечения к уголовной ответственности за вышеназванный акт коррупции, компании будет предъявлено обвинение за утечку химикатов и за взрыв на химическом заводе в городе Мурдейк (Голландия)¹¹.

Помимо собственно коррупционных преступлений необходимо отметить так называемые «сопутствующие», «ассоциированные» с ними преступления, которые можно отнести к проявлениям самодетерминации коррупционной

⁸ Eni, Shell deny wrongdoing in Nigeria after allegations of improper payment. Available at: <https://www.cnbc.com/2017/04/10/eni-shell-deny-wrongdoing-in-nigeria-after-allegations-of-improper-payment.html> [Accessed 12th March 2021].

⁹ Corruption. Spotlight on corruption. Annual report. 2017. Available at: <https://www.globalwitness.org/en/about-us/annual-reviews/> [Accessed 15 March 2021].

¹⁰ Eni, Shell deny wrongdoing in Nigeria after allegations of improper payment. Available at: <https://www.cnbc.com/2017/04/10/eni-shell-deny-wrongdoing-in-nigeria-after-allegations-of-improper-payment.html> [Accessed 12th March 2021].

¹¹ Taylor C. Shell facing multiple charges over corruption, emissions, and an explosion. Available at: <https://www.cnbc.com/2019/03/01/shell-to-be-prosecuted-with-criminal-charges-over-nigerian-oil-deal.html> [Accessed 18th March 2021].

преступности. В отечественной криминологии процесс самодетерминации преступности определяют как порождение новых антиобщественных (читай преступных. — О.К.) деяний самой преступностью. Одной из форм такой самодетерминации называют совершение вспомогательных, «подсобных» преступлений облегчающих совершение основных преступлений, либо скрывающих их (Kudryavcev & Eminov, 2010). Применительно к коррупционным уголовно наказуемым деяниям в число таких «сопутствующих» и «вспомогательных» преступлений входит, прежде всего, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем. Такая легализация, по понятным причинам, будет иметь, в подавляющем большинстве случаев, транснациональный характер, и особой популярностью для проведения подобных операций служат мировые финансовые центры, расположенные в Нью-Йорке, Лондоне, Сингапуре, либо небольшие юрисдикции, называемые «налоговыми гаванями» (tax havens). Например, по данным организации *Global Witness* некоторые ведущие британские банки (*British High Street Banks*) участвовали в отмывании денег и переводе их из Нигерии в Соединенное Королевство. Также эти банки помогали отмывать деньги бывшего главы Нигерии, генерала Сани Бача и Джошуа Дарье — бывшего губернатора штата Плато в Нигерии (Osumah & Aghedo, 2013).

В отчете по коррупции за 2017 г., опубликованном *Global Witness*, был приведен так называемый «жизненный цикл коррупции» (“corruption life-circle”), который состоял из трех этапов: “steal” (украсть) — “hide” (спрятать) — “spend” (потратить). Сначала деньги добываются преступным путем (получение взяток, хищения, получение прибыли от занятия предпринимательской деятельностью, которая публичным служащим запрещена), затем они прячутся в офшорах, банках, передаются на хранение юристам или финансистам, переводятся в трастовые фонды и т. д. Иными словами, идет первая стадия легализации, а уже затем эти деньги используются для легальных сделок, банковских операций, покупки недвижимости, получения гражданства иностранных государств в обмен на инвестиции¹². В Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках от 21 ноября 1997 г. прямо говорится о том, что подкуп иностранных должностных лиц, вне зависимости от места его совершения, является предикатным преступлением при отмывании денежных средств или иного имущества, полученного преступным путем (статья 7)¹³.

Меры противодействия транснациональной коррупции средствами уголовного права

Учитывая тот факт, что борьба с транснациональной коррупцией напрямую связана с пространственно-временным действием уголовного закона, то особую важность в такой борьбе обретают *принципы действия уголовного закона во*

¹² См.: Corruption. Spotlight on corruption. Annual report. 2017. Available at: <https://www.globalwitness.org/en/about-us/annual-reviews/> [Accessed 19th March 2021].

¹³ Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках от 21 ноября 1997. Режим доступа: http://cikrf.ru/protiv_corrupcii/normativ_docs/conv_1997.html (дата обращения: 18.03.2021).

времени, в пространстве и по кругу лиц. Если взять за основу, в данном случае, УК Российской Федерации, то хотелось бы выделить, прежде всего, территориальный принцип, принцип гражданства и универсальный принцип.

Нет смысла воспроизводить здесь положения статьи 11 УК РФ, однако об ограничении территориального принципа сказать необходимо — оно заключено в части 4 статьи 11 УК РФ и касается лиц, пользующихся иммунитетом в отношении уголовной юрисдикции государства. Речь, в данном случае, идет о дипломатическом иммунитете, консульском иммунитете, иммунитете международных организаций, их персонала и иммунитете специальных миссий (Lukashuk & Naumov, 1999). Это значит, что в числе корруптеров и корруппантов могут оказаться лица, которые пользуются таким иммунитетом, а следовательно, уголовной ответственности по закону государства пребывания они не подлежат.

Принцип гражданства также в этом отношении представляет особый интерес, поскольку он распространяет действие российского уголовного закона на те преступления, которые граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в России лица без гражданства совершают вне пределов Российской Федерации. При этом, как следует из содержания части первой статьи 11 УК РФ, ответственность наступает независимо от того, предусмотрена ответственность за это преступление в законе страны пребывания или нет — главное, чтобы это деяние было предусмотрено Уголовным кодексом Российской Федерации. В этой связи напомним, что в некоторых государствах легальными считаются те практики, которые в нашей стране составляют коррупционные преступления. Но наиболее «ярко», на наш взгляд, проявляет себя в деле борьбы с транснациональной коррупцией универсальный принцип — наличие соответствующего международного договора позволяет привлечь к уголовной ответственности по УК РФ иностранных граждан и не проживающих постоянно в нашей стране апатридов за те преступления, которые они совершили вне пределов России. Излишне подробно говорить о том, сколько существует международных договоров о борьбе с коррупцией.

В специальном антикоррупционном нормативном правовом акте ЮАР — Законе 12 «О предупреждении и борьбе с коррупционными деяниями» от 2004 г. — прямо говорится об экстра TERRИТОРИАЛЬНОМ действии данного закона (Bernstein, Shaw, 2014). В соответствии со статьей 35 «Экстра TERRИТОРИАЛЬНАЯ юрисдикция», даже если коррупционное преступление, подпадающее под действие Закона, совершено за пределами ЮАР, суд Республики применяет этот Закон независимо от того, является ли это деяние преступлением по закону того места, где оно было совершено, если лицо, которое привлекается к уголовной ответственности:

- является гражданином ЮАР;
- имеет вид на жительство в ЮАР;
- арестовано на территории ЮАР либо в ее территориальных водах, либо на борту морского или воздушного судна, зарегистрированного в Республике, на момент совершения преступления;

— является компанией, которая находится в ЮАР, либо зарегистрирована в ЮАР в соответствии с любым законом¹⁴.

Уголовно-правовые меры противодействия транснациональной коррупции можно разделить на различные группы по следующим основаниям:

- 1) *по виду мер уголовно-правового противодействия;*
- 2) *по охвату территории уголовно-правового противодействия и количеству государств, участвующих в таком противодействии.*

Исходя из *первого критерия*, мы можем выделить следующие меры уголовно-правового противодействия (не путать с мерами уголовно-правового характера!):

Криминализация. Это — формулирование новых составов коррупционных преступлений, что опирается на соответствующее социально-криминологическое обоснование. Относительно криминализации коррупционных преступлений следует сказать, что практически все уголовно наказуемые формы коррупции, отраженные в международных конвенциях, преследуются и по российскому законодательству. За исключением, пожалуй, незаконного обогащения. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. предусматривает ответственность за незаконное обогащение, т. е. за значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать. Как отмечала в свое время А.А Гравина, установление уголовной ответственности за это деяние была бы реальным шагом в борьбе с коррупцией, поскольку, иначе, требование закона декларировать государственными служащими свои доходы остается полумерой и не может рассматриваться как эффективное средство противодействия коррупции (Gravina, 2015:97). Заслуживает внимания, на наш взгляд, опыт бывших советских республик — Армении и Литвы. В уголовных кодексах этих стран уголовная ответственность за незаконное обогащение установлена (соответственно, в статьях 310.1 и 189.1). Интересно, что норма о незаконном обогащении (статья 8) как о коррупционном преступлении содержится в Конвенция Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 11 июля 2003 г.

В некоторых странах (например, в той же ЮАР) законодательство устанавливает уголовную ответственность за несообщение об акте коррупции, о котором лицо точно знает либо должно было знать. Также несет уголовную ответственность за несообщение то лицо, которое подозревало о том, что было совершено коррупционное преступление. При этом речь идет об ответственности специального субъекта — того лица, который является представителем власти. Наказание за данное деяние зависит от того, каким судом выносится приговор. Если приговор выносится Верховным Судом либо региональным судом, то виновному грозит денежный штраф либо тюремное заключение на срок не свыше 10 лет. Если же приговор выносится магистратским судом, то виновному грозит денежный штраф либо тюремной заключение на срок не свыше трех лет¹⁵. Одной из

¹⁴ Prevention and Combating of Corrupt Activities Act 12 of 2004. Available at: <https://www.justice.gov.za/legislation/acts/2004-012.pdf> [Accessed 1st March 2021].

¹⁵ Prevention and Combating of Corrupt Activities Act 12 of 2004. Available at: <https://www.justice.gov.za/legislation/acts/2004-012.pdf> [Accessed 1st March 2021].

эффективных форм противодействия транснациональной коррупции в рамках криминализации, безусловно, является конструирование составов преступлений о так называемой «иностранной коррупции» или «зарубежном взяточничестве» (“foreign bribery”). Речь в данном случае о таком взяточничестве, при котором корруппантами являются иностранные должностные лица либо должностные лица международных межправительственных организаций. Подробнее об этом будет сказано чуть позднее.

Пенализация. Речь идет о соответствующих наказаниях, соразмерных характеру и степени общественной опасности коррупционных преступлений. В данном случае особый акцент делается на таких видах наказания, которые применяются к специальным субъектам коррупционных преступлений — должностных лицах и управленцах в коммерческих и иных организациях. В таком случае можно говорить о кратных размеру взятки или коммерческого подкупа штрафах, лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В то же время расхожее мнение о необходимости применения самых строгих наказаний с тем, чтобы эффективно противодействовать коррупции, не подтверждается мировой практикой. Как замечает китайский специалист Jiangnan Zhu, смертная казнь за коррупционные преступления не имеет эффекта несмотря на то, что китайская традиция полагает необходимым именно строгие наказания для предупреждения преступности. Ученый провела сравнительное исследование по ряду стран, используя индекс восприятия коррупции, что позволило ей утверждать: в странах с низким уровнем коррупции наказания за коррупционные преступления отнюдь не являются «драконовскими» (Zhu, 2012). Например, в Сингапуре — стране, где уровень коррупции один из самых низких в мире (4 место среди 183 стран)¹⁶, коррупционные преступления наказываются тюремным заключением на срок не более трех лет либо денежным штрафом в размере, не превышающим 100 000 сингапурских долларов, или применяются оба наказания. В Японии (20 место среди 183 стран)¹⁷, где уровень коррупции в последние годы достаточно низок, смертная казнь за коррупционные преступления не назначается, при этом штраф в размере от 200 000 до 1 миллиона японских иен или пятилетний запрет на участие в выборах применяются гораздо чаще, нежели тюремное заключение¹⁸. Даже в тех случаях, когда назначается тюремное заключение, его сроки варьируются в пределах от двух до пяти лет, а максимальное наказание составляет семь лет (Yuichiro, Tachi (2001)). В западных странах, например, в США, которые занимают 23 место из 180 стран по восприятию коррупции, на федеральном уровне подкуп должностных лиц наказывается штрафом, не превышающим трехкратный размер суммы взятки, либо тюремным заключением на срок до 15 лет, либо применяются оба наказания. Также может быть назначен запрет занимать любую почетную, доверительную или

¹⁶ Corruption Perception Index 2019. Available at: file:///C:/Users/user/Downloads/2019_CPI_Report_EN.pdf [Accessed 19th March 2021].

¹⁷ Corruption Perception Index 2019. Available at: file:///C:/Users/user/Downloads/2019_CPI_Report_EN.pdf [Accessed 19th March 2021].

¹⁸ He Tian, Comparative Study of Asian Anticorruption Legal Systems. (Beijing: Zhongguo renmin gongan daxue). 2009.

оплачиваемую должность в США¹⁹. А в Индонезии, которая занимает 85 место среди 180 стран по этому показателю за коррупционные преступления, установлены достаточно жесткие наказания: максимальный срок лишения свободы за коррупционные преступления — 20 лет лишения свободы, а в случае совершения особо тяжких коррупционных преступлений возможно назначение смертной казни²⁰. Сам же Китай в этом списке занимает 80 место²¹.

Применение так называемых «имущественных» мер уголовно-правового характера (прежде всего, речь идет о конфискации имущества). О применении конфискации имущества в деле борьбы с коррупцией написано и сказано уже очень много. Достаточно сказать, что все Конвенции, направленные на борьбу с коррупцией (и, прежде всего, с транснациональной ее частью), предусматривают эту имущественную меру уголовно-правового характера: статьи 2, 3, 31, 54 Конвенции ООН против коррупции 2003 г.; статьи 13, 19, 23 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г.; статья 3 Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках 1997 г.; статья 16 Конвенции Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 11 июля 2003 г.

Несмотря на обилие правовых норм о конфискации доходов, полученных в результате коррупционных преступлений, а также конфискации легализованного (отмытого) имущества, добытого преступным путем, их практическая реализация оставляет желать лучшего. Например, по данным всемирно известного немецкого Deutsche Bank, значительная часть скрытого притока капитала в Великобритании в объеме 133 млрд фунтов стерлингов связана с Россией, а, согласно оценке агентства Bloomberg, общая стоимость активов, выведенных из России за последние 25 лет, составляет 750 млрд долларов США. Это почти половина российского ВВП²². С другой стороны, западные правоохранители достаточно часто отказывают российским коллегам в помощи о поиске и аресте преступно полученных в России капиталов, пусть и по формальным основаниям. Кроме того, такая гигантская денежная масса уже давно надежно «инфильтрована» в зарубежную экономику в виде самых разных вложений и инвестиций, которые, видимо, удвоились за это время²³. По понятным причинам, изымать эти деньги из собственного бюджета власти иностранных государств никак не горят желанием.

Введение уголовной ответственности юридических лиц. Как справедливо отмечает А.В. Федоров, в большинстве стран мира одной из важнейших составляющих противодействия коррупции является установление уголовной ответственности юридических лиц, поскольку необходимость установления

¹⁹ The U.S. Code online, Title 18, Chapter 11, Section 201, Available at: <http://frwebgate3.access.gpo.gov/cgi-bin/GPOgate.cgi?WAISdocID=KPYllu/2/3/0&WAISaction=retrieve> [Accessed 19th March 2021].

²⁰ He Tian, Comparative Study of Asian Anticorruption Legal Systems. (Beijing: Zhongguo renmin gongan daxue). 2009.

²¹ Corruption Perception Index 2019. Available at: file:///C:/Users/user/Downloads/2019_CPI_Report_EN.pdf [Accessed 19th March 2021].

²² Барова Е. Без конфискации. Почему властям не удастся вернуть сотни миллиардов долларов, вывезенных из России? // Аргументы и Факты. № 3. 2020. С. 20.

²³ Барова Е. Без конфискации. Почему властям не удастся вернуть сотни миллиардов долларов, вывезенных из России? // Аргументы и Факты. № 3. 2020. С. 20.

такой ответственности закрепляется в основных международных антикоррупционных конвенциях (Fedorov, 2014). При этом, как замечает А.В. Федоров, вопрос о характере ответственности юридических лиц решается в международных договорах по-разному (Fedorov, 2014). Например, Конвенция ООН против коррупции 2003 г. требует от государств-участников принять такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц, которая, в свою очередь, может быть уголовной, административной или гражданско-правовой. В то же время Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках 1997 г., требуя от государств-участников установить ответственность юридических лиц, не конкретизирует вид ответственности, но, согласно сложившейся практике, к странам-кандидатам на вступление в ОЭСР предъявляется требование установить именно уголовную ответственность юридических лиц (Fedorov, 2013). Мировая практика знает немало случаев привлечения юридических лиц к уголовной ответственности именно за совершение транснациональных коррупционных преступлений. Например, власти Германии привлекли к уголовной ответственности концерн Siemens: было установлено, что компания давала взятки в Литве, России и Нигерии в общей сумме на 12 млн евро. Компания была приговорена к штрафу в размере 201 млн долларов США (Andrianov, 2011). В другом случае к уголовной ответственности в США было привлечено российское подразделение компании Hewlett-Packard за дачу взяток российским должностным лицам при заключении контракта на поставку компьютерного оборудования в один из российских официальных органов²⁴. Напомним, что российское уголовное законодательство института ответственности юридических лиц не содержит.

Экстрадиция. Нормы об экстрадиции, которые содержатся и в международном, и в национальном уголовном праве, играют огромную роль в борьбе с транснациональной коррупцией (положения об экстрадиции лиц, совершивших коррупционные и сопутствующие им преступления). Например, нормы об экстрадиции находим, опять же, Конвенции ООН против коррупции 2003 г. (статья 44), Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. (статья 27), в Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках 1997 г. (статьи 9, 10), Конвенции Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 11 июля 2003 г. (статья 15), Протоколе против коррупции Сообщества развития юга Африки от 14 августа 2001 г. (статья 9).

Как мы понимаем, институт выдачи, являясь комплексным международно-правовым, уголовно-правовым и уголовно-процессуальным институтом, имеет важное значение в борьбе с транснациональной коррупцией: он призван «поджечь землю» под ногами коррупционеров, которые должны быть лишены возможности укрыться от правосудия в какой-либо стране. С другой стороны, как известно, пределы экстрадиции тоже существуют — большинство стран прямо налагает запрет на выдачу собственных граждан другому государству, что

²⁴ США заработали на российской коррупции // Новая газета. 14.09.2015.

прописано не только в национальном уголовном законодательстве, но и в конституциях этих стран.

Уточнение положений уголовно-правовых норм об ответственности за коррупционные преступления в разъяснениях высших судебных инстанций. Эта мера теснейшим образом связана со значимостью судебного толкования уголовного закона, поскольку, как всем хорошо известно, уголовный закон наполняется реальным содержанием только через судебную практику по конкретным делам (Naumov, 2005). В этой связи особую важность приобретает полнота и непроблемность постановлений Пленума Верховного Суда РФ по делам об уголовной ответственности за коррупционные преступления. К сожалению, недавние изменения и дополнения, внесенные в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (в ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», не только не добавили ясности в отношении некоторых проблемных вопросов, но и усугубили их²⁵.

На основании *второго критерия* мы можем выделить следующие виды мер такого противодействия:

1) меры, предусмотренные международным универсальным уголовным правом (первый уровень);

2) меры, предусмотренные международным межрегиональным уголовным правом (второй уровень);

3) меры, предусмотренные международным региональным уголовным правом (третий уровень);

4) меры, предусмотренные международным субрегиональным уголовным правом (четвертый уровень);

5) меры, предусмотренные международным уголовным правом в рамках двусторонних соглашений и договоров (пятый уровень).

6) меры, предусмотренные национальным уголовным правом (шестой уровень).

К актам *первого уровня* относим, само собой, Конвенцию ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 29 сентября 2003 г., Конвенцию о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках, принятую Организацией экономического сотрудничества и развития 21 ноября 1997 г. К актам *второго уровня* можем отнести Межамериканскую конвенцию против коррупции Организации американских государств 1996 г. Участниками этой конвенции являются государства как Южной, так и Северной Америки (например, Аргентина, Бразилия, Канада, Чили, Мексика, США, Уругвай). К актам *третьего уровня* относятся Конвенция Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 11 июля 2003 г., Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятую Комитетом министров Совета Европы от 27 января 1999 г., Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, принятую Комитетом

²⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (в ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. № 154. 17.07.2013.

министров Совета Европы от 4 ноября 1999 г., Конвенция о борьбе с коррупцией, затрагивающей должностных лиц Европейских сообществ или должностных лиц государств — членов Европейского союза, принятую Советом Европейского Союза 26 мая 1997 г. К актам *четвертого уровня* относится, например, Протокол против коррупции Сообщества развития юга Африки от 14 августа 2001 г. К актам *пятого уровня* можно отнести, например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Республики Беларусь о повышении эффективности сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией²⁶.

Что же касается, актов национального уголовного законодательства, то здесь следует отметить, прежде всего, нормы об уголовной ответственности за подкуп иностранных должностных лиц и лиц, выполняющих соответствующие функции, в международных судебных органах и международных публичных организаций. Последний вид коррупционных преступлений именуется в иностранной литературе как “foreign bribery” («иностранное взяточничество»), тогда как подкуп «отечественных» должностных лиц называют “domestic bribery” («местное взяточничество») (Dantas, Alcantara, 2014).

Например, Уголовный кодекс Бразилии к так называемому «местному взяточничеству» относит «пассивную коррупцию» (ст. 317), «активную коррупцию» (ст. 333). Судя по содержанию Раздела XI УК Бразилии «Преступления против публичной власти» и четырех глав, этот Раздел составляющих, термин “bribery” в данном контексте следует толковать шире, нежели только взяточничество, и относить к нему и другие коррупционные преступления: растрату или присвоение (ст. 312), торговлю влиянием (ст. 332), служебное покровительство (ст. 321). Гораздо более интересен бразильский опыт в части установления уголовной ответственности за “foreign bribery” — Глава II-A «Преступления, совершенные частным лицом против иностранной публичной власти». Так, статья 337-B предусматривает уголовную ответственность за активный подкуп в ходе международных коммерческих операций. Наказуемы, согласно данной статье, такие действия, как обещание, предложение или дача, прямо или опосредованно, выгод личного характера иностранному должностному лицу или третьему лицу в целях повлиять на принятие решений этим лицом при совершении международной деловой операции (сделки). Виновному грозит лишение свободы на срок от одного до восьми лет и денежный штраф. Наказание увеличивается на одну треть, если действия иностранного должностного лица, совершенные в обмен на получение таких выгод, сами по себе являются незаконными. По сути дела, здесь наблюдаем тот случай, когда дача взятки, выражаясь языком российского уголовного права, подразделяется на «мздоимство» и «лихоимство»²⁷. Статья 337-C говорит о таком преступлении, как «Торговля влиянием в международных коммерческих операциях». Здесь речь идет уже о специальном субъекте: иностранное должностное лицо. Виновный несет ответственность за то, что просит, требует, взимает или получает какие-либо выгоды для себя или третьих лиц в обмен на совершение каких-либо действий или бездействия в ходе

²⁶ Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru

²⁷ Penal Code of Brazil. Available at: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Decreto-Lei/Del2848compilado.htm [Accessed 19th March 2021].

международных коммерческих операций. Наказание — от двух до пяти лет лишения свободы и денежный штраф²⁸. Статья 337 D определяет понятие иностранного должностного лица — это любой, кто выполняет должностные функции или занимает должность в компании, которая прямо или опосредованно контролируется государством или публичной международной организацией²⁹.

Подобные нормы есть и в уголовном законодательстве ЮАР. В специальном нормативном акте — Законе 12 «О предупреждении и борьбе с коррупционными деяниями» от 2004 г. — устанавливается ответственность за коррупционные преступления в отношении иностранных должностных лиц (статья 5). Согласно данной статье несет уголовную ответственность любое лицо, которое прямо или опосредованно дает, соглашается дать или предлагает любое незаконное вознаграждение иностранному должностному лицу в пользу самого этого лица, либо в пользу другого лица с тем, чтобы это иностранное должностное лицо само либо посредством влияния на другое лицо совершило деяние, которое является незаконным, бесчестным, несанкционированным, дискриминационным, либо деяние, которое составляет злоупотребление либо продажу информации или имущества, полученных в ходе, в результате, во время выполнения своих служебных обязанностей, полномочий, функций, вытекающих из закона, договора или иных законных оснований. Кроме того, взятка может даваться за злоупотребление властными полномочиями, за нарушение обязанностей или норм закона и т.д.³⁰

Раздел IV «Преступления, совершенные при осуществлении должностных обязанностей» УК Португалии включает в себя 6 глав: Глава 1 «Коррупция», Глава 2 «Растрата должностным лицом денежных средств или имущества», Глава 3 «Злоупотребление властью», Глава 4 «Нарушение тайны», Глава 5 «Отказ от выполнения должностных обязанностей», Глава 6 «Общие положения». В подавляющем большинстве статей содержится указание на специальный субъект преступления — должностное лицо (“officer”), при этом в статье 386 «Понятие должностного лица» (“Concept of officer”).

В данной норме говорится о том, что к понятию должностного лица приравниваются должностные лица Европейского Союза вне зависимости от гражданства и места жительства; должностные лица любого государства-члена ЕС, если преступление было совершено (полностью или частично) на территории Португалии; должностные лица международных публичных организаций, членом которых является Португалия, если преступление было совершено (полностью или частично) на территории Португалии. Правда, следует отметить, что такое правило действует применительно лишь к трем статьям УК Португалии: 372 «Пассивный подкуп за совершение незаконного деяния», 373 «Пассивный подкуп за совершение правомерного деяния», 374 «Активный подкуп»³¹.

²⁸ Penal Code of Brazil. Available at: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Decreto-Lei/Del2848compilado.htm [Accessed 19th March 2021].

²⁹ Penal Code of Brazil. Available at: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Decreto-Lei/Del2848compilado.htm [Accessed 19th March 2021].

³⁰ Prevention and Combating of Corrupt Activities Act 12 of 2004. Available at: <https://www.justice.gov.za/legislation/acts/2004-012.pdf> [Accessed 3rd March 2021].

³¹ The Portuguese Penal Code. Available at: https://sherloc.unodc.org/cld/document/prt/2007/criminal_code_law_no._592007_of_4_september.html? [Accessed 3rd March 2021].

Похожие нормы содержатся и в антикоррупционном уголовном законодательстве Соединенного Королевства. Так, Закон Великобритании о взяточничестве 2010 г. (Bribery Act 2010) предусматривает уголовную ответственность за подкуп иностранного должностного лица. Этот же Закон говорит о том, кто подпадает под понятие «иностранное должностное лицо». К таким лицам относится, в частности, тот, кто занимает любую должность в законодательных, исполнительных, судебных органах, вне зависимости от того, выборная она или нет, любого государства или территории за пределами Соединенного Королевства. К этим иностранным должностным лицам относятся и служащие публичных международных организаций. Последние включают в себя организации, членами которых являются государства или территории; правительства государств или территорий; другие публичные международные организации; союзы вышеназванных субъектов³².

В российском уголовном законодательстве также есть нормы, набавленные на противодействие транснациональной коррупции. Само собой, что субъектом дачи взятки может быть любое лицо вне зависимости от его гражданства, места работы, принадлежности к тем или иным организациям, в то время как в числе должностных лиц — получателей взятки, указаны иностранные должностные лица или должностные лица публичной международной организации (статья 290 УК РФ).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» к иностранным должностным лицам относит любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, и любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия (например, депутат, министр, мэр). К должностным лицам публичной международной организации относятся, в частности, сотрудники организации, являющиеся международными гражданскими служащими, лица, уполномоченные действовать от имени публичной международной организации, члены парламентских собраний международных организаций, участником которых является Российская Федерация, лица, занимающие судебные должности любого международного суда, юрисдикция которого признана Российской Федерацией³³.

В контексте этого разъяснения необходимо подробнее остановиться на понятии «международная публичная организация». В данном случае речь идет о тех международных организациях, которые являются субъектами международного права — межправительственных (межгосударственных) организациях (Beckyashev, 2004). В современном международном праве эти организации

³² Bribery Act 2010. Available at: https://www.bailii.org/uk/legis/num_act/2010/ukpga_20100023_en_1.html [Accessed 3rd March 2021].

³³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. № 154. 17.07.2013.

подразделяются по разным критериям: 1) по кругу участников: универсальные, региональные, межрегиональные (Организация Объединенных Наций, Организация Африканских Государств, Организация экономического сотрудничества и развития); 2) по компетенции: общей компетенции и специальной компетенции (ООН, Международная организация гражданской авиации); 3) по порядку приема новых членов: открытые и закрытые (например, НАТО). Что касается лиц, занимающих судебные должности любого международного суда, юрисдикция которого признается Российской Федерацией, то к таким судам можно отнести, например, Международный суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, Европейский суд по правам человека, Экономический суд Содружества Независимых Государств. В этом контексте возникает вопрос, что можно считать судебной должностью. Кроме того, как следует квалифицировать подкуп судьи того международного суда, юрисдикцию которого Россия не признает? Эти вопросы требуют своего разрешения.

Заключение

Транснациональная коррупция является преступлением международного характера и представляет собой глобальную криминальную угрозу, бороться с которой необходимо всеми средствами уголовного права, как международного, так и национального. Противодействие транснациональной коррупции должно быть направлено на повсеместное и жесткое «таргетирование» корруптеров, коррупционеров и имущества, полученного путем коррупционных преступлений. Необходимо исключать возможность для коррупционеров укрываться самим и укрывать преступные капиталы в каких-либо странах. Коррупционные преступления в национальном и международном уголовном праве определяются так называемым перечневым способом, при этом некоторые деяния могут быть уголовно наказуемы в одних юрисдикциях, и не влечь уголовной ответственности в других. Помимо собственно коррупционных преступлений особую опасность представляют сопутствующие и последующие преступления («ассоциированные с коррупционными»). Это, прежде всего, отмывание (легализация) денежных средств или иного имущества, полученного в результате совершения коррупционных преступлений. Уголовно-правовую классификацию коррупционных преступлений можно проводить в зависимости от элементов состава преступления и признаков, их составляющих (например, объективной и субъективной стороны субъекта).

Транснациональную коррупцию характеризует особый состав коррупционеров и корруптеров. Особую опасность представляет такой корруптер, как транснациональные корпорации (ТНК). Как показывает практика, именно они, обладая гигантскими средствами и возможностями, подкупают государственных чиновников иностранных государств в целях обеспечения контрактов на поставку и сбыт соевых продуктов (вне зависимости от ее вида и назначения), снижения налогового бремени, получения иных преференций.

Меры уголовно-правового противодействия транснациональной находим содержатся в нормах и Общей и Особенной части уголовного права. К ним

относятся, прежде всего, криминализация, пенализация, применение имущественных мер уголовно-правового характера, институт уголовной ответственности юридических лиц, институт экстрадиции, уточнение положений уголовно-правовых норм об ответственности за коррупционные преступления в разъяснениях высших судебных инстанций. В зависимости от территориального охвата этих мер и количества государств, участвующих в этом противодействии, выделяем шесть уровней таких мер. Меры уголовно-правового противодействия сосредоточены как в кодифицированной уголовном законодательстве, так и в отдельных специальных статутах (законах).

References / Список литературы

- Andrianov, V.D. (2011) *Corruption as a Global Problem: History and Modernity*. Moscow, Ekonomika Publ. (in Russian).
Андреанов В.Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. М.: Экономика. 2011. 304 с.
- Beqyashev, K.A. (ed.). (2004) *International Public Law*. Textbook. 3rd edition, elaborated and supplemented. Moscow, Velbi Publ., Prospect Publ. (in Russian).
Международное публичное право: учебник / Отв. ред.: Бекашев К.А. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. 928 с.
- Bernstein, D. & Shaw, N. (2014) South Africa. Chapter 18. In: Mendelsohn M.F. (ed.) *The Ant-Bribery and Anti-Corruption Review*. 2nd ed. UK, Law Business Research. pp. 227—242.
- Borzenkov, G.N. & Komissarov, V.S. (eds.). (2002) *Criminal Law Course: Special Part*. Т. 5. Moscow, Zertsalo Publ. (in Russian).
Курс уголовного права: Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало, 2002. Т. 5. 512 с.
- Braithwaite, Jo. (1979) Transnational Corporations and Corruption: Towards Some International Solutions. *International Journal of the Sociology of Law*. (7), 125—142.
- Cordini, N.S. (2018) The internationalization of criminal law: transnational criminal law, basis for a regional legal theory of criminal law. *Brazilian journal of public policy*. 8 (1), 262. DOI: <https://doi.org/10.5102/rbpp.v8i1.5163>
- Dantas, A. & Alcantara, L.E. (2014) Brazil. Chapter 3. In: Mendelsohn M.F. (ed.) *The Ant-Bribery and Anti-Corruption Review*. 2nd ed. UK, Law Business Research. pp. 34—41.
- Fayed, A.A. (2018) Researching corruption: understanding its key conceptions. *Rule of law and anticorruption centre journal*. (11). DOI: <https://doi.org/10.5339/rolacc.2018.11>.
- Fedorov, A.V. (2013) Anticorruption OECD convention as a part of Russian Federation legal system: criminal law and criminal politic aspects. *Scientific writings of SPb*. Filial of Russian custom academy. 4 (48). 99—128. (in Russian).
Федоров А.В. Антикоррупционная конвенция ОЭСР как часть правовой системы Российской Федерации: уголовно-правовой и уголовно-политический аспекты // Ученые записки С.-Петерб. им. В.В. Бобкова фил. Российской таможенной академии. 2013. № 4 (48). С. 99—128.
- Fedorov, A.V. (2014) Establishment of legal person crime responsibility as an element of combatting corruption. *Vestnik of Vladimir juridical institute*. 3 (32), 107—112. (in Russian).
Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц как составляющая противодействия коррупции // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 3 (32). С. 107—112.

- Ferreira, L.V. & Morosini, F.C. (2013) The implementation of international anti-corruption law in business: legal control of corruption directed to transnational corporations. *Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations*. 2 (3), 246—247.
- Godunov, I.V. (2002) *Transnational Organized Crime in Russia: Ways and Forms of Combatting*. Diss ... doctor Legal of sciences. Ryazan. (in Russian).
Годунов И.В. Транснациональная организованная преступность в России: пути и формы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. 604 с.
- Gravina, A.A. (2015) Transnational corruption as a body of international crime. *Journal of Russian law*. (12), 87—99. (in Russian).
Гравина А.А. Транснациональная коррупция как состав международного преступления // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 87—99.
- Hung-En Sung (2009) Transnational Corruption in Weapons Procurement in East Asia: A Case Analysis. *Sociological focus*. 42(3), 254—261. DOI: <https://doi.org/10.1080/00380237.2009.10571356>
- Karpec, I.I. (1979) Crimes of international character. Moscow, Yuridicheskaya lititeratura Publ. (in Russian).
Карпец И.И. Преступления международного характера. М.: Юридическая литература, 1979. 262 с.
- Kordoš, M., & Vojtovič, S. (2016) Transnational corporations in the global world economic environment. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. (230), 150—158.
- Kudryavcev, V.N. & Eminov, V.E. (2010) Self-determination of crime. Causes of crime. Criminology. Student book. Forth edition, elaborated and supplemented. Moscow, Norma, Infra-M Publ. (in Russian).
Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Самодетерминация преступности // Причины преступности/ Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М. 2010. С. 149—150.
- Lukashuk, I.I. & Naumov, A.V. (1999) *International criminal law*. Student book. Moscow, Spark Publ. (in Russian).
Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: учебное пособие. М.: Спарк. 1999. 287 с.
- Maksimov, S.V. (2017) *Corruption. Law. Responsibility*. 3rd edition, elaborated and supplemented. Moscow, Institute of State and Law of RAS Publ. (in Russian).
Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Институт государства и права РАН. 2017. 255 с.
- Momoh, Z. (2015) Corruption and governance in Africa. *Proceedings of the International Academic Conference for Sub-Sahara African Transformation & Development*. 3(6). Available at: https://www.researchgate.net/profile/Zekeri-Momoh/publication/308792420_corruption_and_governance_in_africa/links/57f224fa08ae91deaa56229a/corruption-and-governance-in-africa.pdf [Accessed 3rd March 2021].
- Osumah, O. & Aghedo, I. (2013) Challenges and prospects of anti-corruption crusade in Nigeria's fourth republic. *Ilorin Journal of Business and Social Science*. 15 (2), 81—96.
- Sumachev, A.V. (2017) On pseudoscientific criminal law theories. III International penitentiary forum "Crime, punishment, correction". In: Digest of participant's thesis. T. 2. *Materials of International scientific-practice conference "Improvement of criminal and criminal executive legislation norms"*. Ryazan, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 92—95. (in Russian).
Сумачев А.В. О лженаучных уголовно-правовых теориях // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Сборник тезисов выступлений и докладов участников. Т. 2. Материалы Международной научно-практической конференции «Совершенствование норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства». Рязань, Академия ФСИН России, 2017. С. 92—95.

- Yuichiro, Tachi (2001) An Overview of the Japanese Criminal Justice Legislation against Corruption. In: *Taking Action against Corruption in Asia and the Pacific: Proceedings of the 3rd Regional Anti-Corruption Conference. 3rd Annual Conference of ADB/OECD Anticorruption Initiative for Asia-Pacific*. Tokyo, Japan. Pp. 3—4.
- Zhu, J. (2012) Do severe penalties deter corruption & a game-theoretic analysis of the Chinese case. *The China Review*. 12(2), 1—32.

Об авторе:

Кузнецова Ольга Алексеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0003-1066-3783; SPIN-код: 8755-2997

e-mail: o715575@mail.ru

About the author:

Olga A. Kuznetsova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia Federation

ORCID ID: 0000-0003-1066-3783; SPIN-code: 8755-2997

e-mail: o715575@mail.ru